

Близкие люди

РОМАНЫ

ЕЛЕНА РОНИНОЙ

Е Л Е Н А Р О Н И Н А

Долгий
Д Е Н Ъ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р71

Оформление серии *Елены Куликовой*

Фото автора на обложке *Анны Леонтьевой*

Все события в книге вымышлены

Ронина, Елена.

Р71 Долгий день / Елена Ронина. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-231891-7

Сборник повестей и рассказов «Долгий день» — бесценное путешествие в мир человеческой души.

Истории дружбы длиною в жизнь — и зависти, ломающей любовь. Пути поиска дома — и обретения своей тайной сути.

Елена Ронина знает, что каждое искреннее чувство заслуживает шага навстречу, а цена — понятие относительное.

И что не стоит бояться ночи — в такой долгий и откровенный день.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ронина Е., 2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-231891-7

Прошло десять лет с первого издания сборника «Такой долгий и откровенный день».

Для меня это важная дата.

Это моя первая повесть. Повесть, которая сначала была опубликована в журнале «Юность».

Целый год она печаталась из номера в номер с продолжением.

Именно тогда происходило мое становление как писателя.

Ну а потом вышел и первый сборник.

Мы решили переиздать этот сборник практически в том же варианте, не меняя содержания.

Да, прошло десять лет, но в отношениях между людьми мало что изменилось.

Все так же, к сожалению, существуют и ревность, и зависть, да и люди вокруг — не сплошь порядочные и верные...

И все равно! Надежда есть всегда. Всегда есть выход из любой ситуации.

А все потому, что миром правит любовь.

Значит, все будет хорошо.

Главное — верить.

ДОЛГИЙ ДЕНЬ

ПОВЕСТЬ

1

7:00

Между мужем и сыном

Несмотря на самое начало весны, на улице стояла изнуряющая жара. Дышать было нечем, плотный воздух сковывал движения. Хорошо, что утро раннее, а не то в здании аэропорта можно было бы свариться. Все-таки Пула — это не Франкфурт. Кондиционеров нет и условий приличных пока тоже. Но это все пока. Строительство в Хорватии шло полным ходом, иностранцы покупали недвижимость, вкладывались деньги в новые отели, рестораны. Так что еще немного, и начнут благоустраивать аэропорт. А куда деваться?

Народу было немного, в основном встречающие. Неторопливо прохаживались зевающие водители

с табличками «Иванов» и «Сидоров». В шортах, майках и босоножках, местные жители очень отличались от вновь прибывших. Была в их внешности какая-то умиротворенность, неспешность, можно даже сказать, ленца. Они перебрасывались короткими фразами друг с другом, никак не заботясь о том, найдут их приезжие, не найдут. Не их это проблемы. Туристам же надо, вот пусть и ищут. Никуда не денутся, все же уже оплачено.

В небольшой кафешке, единственной в аэропорту города Пула, пристроилась за столиком всего одна пара: немолодая женщина в светлой юбке, красивой кружевной майке и соломенной шляпке и полный высокий мужчина лет пятидесяти. Несмотря на тонкую хлопчатобумажную рубашку с коротким рукавом, легкие брюки и летние ботинки на босу ногу, мужчина постоянно вытирал пот со лба уже довольно измятым носовым платком. Чувствовалось: жару мужчина переносит тяжело. Давала себя знать сильная полнота. Официантка стояла за барной стойкой, подперев голову руками, стеклянными глазами глядя куда-то вдаль. Посетители ничего не заказывали. Просто сидели и перекидывались малозначащими фразами. То ли от жары им ничего не хотелось, то ли понимали, что все равно ничего не получают. Официантка их просто не услышит, а ругаться с утра не хотелось.

— Миша, сходи, узнай еще раз, рейс опаздывает или нет.

— Мам, ну сколько можно говорить? Не опаздывает, мы просто приехали пораньше. Еще целых полчаса. Ну что ты так разнервничалась? И сдалось тебе приглашать эту Ядвигу?! Думаю, ты все-таки зря это сделала.

— Зря-зря, много ты понимаешь! С Ядвигой связана вся жизнь. Это моя молодость, моя зрелость, танцевали на одной сцене. Она была рядом, когда умер папа, а ты — «зря».

— Просто беспокоюсь за тебя. Вот чего ради так рано приехали? Еще цветы заставила меня купить. При такой-то жаре! Хожу теперь как дурак с этим букетом.

— Ходи как умный, Миша. Ну ты же, в конце концов, из приличной семьи. И к нам приезжает дама. Как же без цветов? Или ты считаешь, что семидесятилетним старухам цветы ни к чему?

— Да ничего я не считаю. А вот ты, мама, стала обидчивая. Заводишься с пол-оборота. Я ж ничего еще не сказал!

— Ты прав, Мишка. Ты абсолютно прав. Знаешь, смешно, я сама себе сейчас напоминаю нашу бабушку. Она к старости такая обидчивая стала, ужас. А я понять не могла, ну чего ей не хватает? Вот что она ко

мне цепляется? И еще думала, ну неужели сама такой стану? Нет, ни за что! И потом, на что бабушке было обижаться? Ты вспомни. А вот находила повод. Знаешь, началось это уже в Одессе. То есть она моложе меня была! Так что не обращай внимания, мне сам Бог уже по возрасту обидчивой быть велел. Ну ладно, ладно. Я не самый худший вариант. Или нет? — Ольга вопросительно посмотрела на сына.

— Мам, ты у меня замечательная. Поэтому, наверно, я и с личной жизнью определиться не могу. Такой, как ты, больше нет.

Ольга улыбнулась. В действительности для нее слова сына были важными. Она их ждала. И радовалась, когда слышала. Как когда-то от Гриши. Муж каждый день должен был говорить, что любит ее. И вот Гриши нет уже целых десять лет. А она как-то без него живет. И вся жизнь теперь — это Михаил. Правильно ли? Нет. Конечно нет. У сына давно должна была быть своя семья, дети. Но вот не сложилось. Ольга усмехнулась своим словам — «мальчик из хорошей семьи». Мальчику-то скоро будет пятьдесят. А ни невестки, ни внуков. Ольга не могла пожаловаться: сын был очень внимателен к ней. Даже, наверное, слишком. Во всяком случае, никто из подруг таким отношением детей больше похвастаться не мог. Он старался не забывать о матери. Переломный мо-

мент в их отношениях произошел после смерти Григория. Михаил работал много. Командировки, совещания до полуночи. И всегда звонил, каждый вечер.

— Мам, ты как?

Миша чувствовал, как тяжело матери стало после ухода мужа из жизни. Нет, не физически. Да и материально Гриша жену обеспечил. Ольге нужна была совсем другая поддержка. Она привыкла чувствовать себя женщиной, любимой женщиной. И вот нет рядом мужчины, который на нее молился, с которым давно уже стали одним целым, дышали одновременно, думали одинаково. Сын не может заменить мужа, это все совсем другое. Но он может быть рядом или хотя бы стараться быть рядом, по возможности. Смерть Григория неожиданно сблизила сына и мать. Раньше этого не было, Миша исчезал из их жизни на недели, мог даже забыть поздравить мать с днем рождения. И Ольга слышала поздно вечером из спальни, уже лежа в кровати:

— Олух царя небесного! Забыл, что у матери день рождения?! Совесть-то есть?!

И через пять минут раздавался такой долгожданный и самый важный за целый день звонок:

— Мам, это я, твой блудный сын, а мне птичка напела, что у тебя сегодня праздник, не будем уточнять даты и возраст! — Про себя Ольга еще ругала птичку:

ну неужели не могла напомнить сыну раньше, и не страдала бы она весь день, а прожила бы его счастливо!

Как это сложно все — муж и сын. Нам кажется порой — сын важнее, его любим больше, ему все можем простить, мужу — никогда. И вот муж уходит, и сразу становится ясно, кем он был для тебя. Сразу, в одночасье, становишься инвалидом. Как будто отрезали сразу одну руку и одну ногу. И идти не можешь, и опереться не на кого. Как жить, как пережить, как справиться с болью?

Сын понял состояние матери и поддержал ее. Неожиданно для Ольги: они никогда не были настоящими друзьями. Друзьями были Миша и Григорий. Или мать и сына сблизила такая страшная для обоих потеря самого дорогого человека? Причем оба об этом при жизни Григория даже не особо задумывались: подшучивали над отцом, высмеивали его маленькие слабости, чудаковатость. И вот их осталось двое. И Миша все свое внимание отдал теперь матери. Дружба проявлялась вот этими короткими звонками. Нечаянными букетами цветов, совместными поездками. И единственно правильными словами: «Ты самая лучшая мама на свете». Ох, как важно это было Ольге. Как долго она этих слов ждала, а теперь, наверное, ради этого и жила.

И вот этот дом. Купил сам, не посоветовался. Просто однажды привез ее сюда.

— Мам, а здесь ты будешь проводить лето. Оно в Хорватии длинное, пять месяцев. И климат на одесский похож, и море.

К старости все воспринимается не сразу и не вдруг. Что значит — дом на море? Зачем?хлопотно. Потянут ли?

И дом какой-то неприбранный, неухоженный. Крутая лестница на второй этаж, маленькие комнатухи, окна, как бойницы. Оля любила простор, огромные окна, чтобы много света, воздуха! Правда, место дивное. Вторая линия, море не то чтобы плещется у ног, но есть запах, и ветерок морской доносится. Миша все понял по поджатым Олиным губам. Не обиделся, только приобнял мать.

— Что? Думала о чем-то другом? Вот и давай, обустраивай. Ты же любишь у нас стройкой руководить. Вон какой домину в Переделкино отгрохала! Я в этом ни черта не понимаю, сама знаешь. Это все не мое. С рабочими ругаться так и не научился. Я в отца пошел. Бригада сербов приедет в понедельник. А сейчас рисуем план, что будем делать. Ну что-то же тебе здесь нравится? Смотри, какой вид открывается с балкона.

За окнами раскинулась морская гладь с белеющими яхтами, вдалеке виднелась гора. Можно часами сидеть на балконе и любоваться горизонтом.

— Я куплю тебе кресло-качалку. Гнущее такое, ты же всегда мечтала. И будешь здесь сидеть, дымить своими ужасными сигаретами и кофеек попивать. Такая перспектива устраивает?

— Хитрец!

Ольга потрепала сына по голове. Но как-то увидела она себя в этом кресле. А почему, собственно, не попробовать? Опыт строительства дома в подмосковном Переделкино действительно у нее был. И прав был сын — ни он, ни его отец в этом ничего не понимали и понимать не хотели. За стройку отвечала Ольга. И с блеском довела ее до конца. При этом никого из рабочих не убила, в сроки уложились, в бюджет, который сама для себя определила, тоже. Нет, Гриша и Михаил были не по этому делу. Как только сейчас сын фирмой руководит? Для Оли это было загадкой. Для нее он так и остался на всю жизнь неповоротливым добродушным тюфяком. Попробуем здесь, в Ровине. Наверное, и с материалами легче. И все-таки климат другой, стройка быстрее пойдет. Нет ни перепадов температур, ни мороза. И потом, этот дивный фикус у входа в дом! Просто прелесть. Ольга закрыла глаза и представила, что может из всего этого получиться.

— А что, Миш, может, и впрямь? Какая тут стена несущая?

Михаил улыбнулся про себя. Если мать спрашивает про несущие стены, значит, в ее голове стройка уже началась.

И вот прошло уже пять лет. Этот дом стал для Оли определенным лекарством, выходом из депрессии после потери Григория.

Она с головой окунулась в обустройство дома.

В первый год было, понятное дело, не до моря. Начало нового столетия, новый век, новая жизнь. Ольга решила все в доме изменить. Разрушила стены и начала капитальный ремонт. При этом сразу купила разговорник. Хоть языки и похожи, но связь получилась односторонней. То есть она местное население понимала, а вот они ее — никак.

Видимо, просто не хотели понимать. Поэтому к концу первого длинного лета она уже вполне сносно объяснялась и с рабочими, и в магазинах при покупках.

Миша летал туда-сюда, но больше времени проводил все-таки с матерью, в новом доме. Дела в Москве у него шли неплохо. Несмотря на удивление матери, кое-что Миша организовывал хорошо. Например, то, что ему нравилось. Миша был издателем. Понятное

дело, помогли в свое время папины связи. Но дело-то пошло, поэтому что теперь вспоминать, кто и кому дал толчок. Могло и при таких связях все заглухнуть. А нет, издательство со временем превратилось в достаточно крупное, с Михаилом как с издателем считались, его мнение ценилось. И вот он уже мог не работать от зари и до зари и проводить больше времени с матерью. Или все-таки на море? И сын, и мать знали ответ на этот вопрос. Только у каждого он был свой. И не обязательно, чтобы он был одинаковым.

Их день в Ровине обычно строился так. Рано утром Ольга и Михаил шли к морю, пока не так жарко и народ еще отдыхал после ночных гулянок. Пляжа в привычном понимании этого слова здесь не было. И сначала это обстоятельство Ольгу разочаровало. Ну что это за бетонные подмости? В море по лесенке спускаться. Но зато в какое море! Свежее, прохладное. Ни с чем не сравнимая Адриатика! Плавать любили оба, и Ольга, и Михаил, заплывали далеко; туда, где море было особенно чистым и прозрачным. Да и хорошо, что нет этих нудных пляжей. Выскочил из воды, промокнул влажное тело большим махровым полотенцем и пошел гулять дальше, вдоль моря, периодически заходя в сосновый лес, который здесь же. Полметра — и ты уже идешь по лесной тропинке. Ну где еще можно встретить такую красоту?!

На улице тридцатиградусная жара, а ты ее наблюдаешь с лесной опушки. С одной стороны море, с другой — сосны. Хорваты — затейники. Между соснами можно наткнуться не только на уютные кафе, но и на площадку с гамаками. Около каждого гамака пенек, на пеньке — пепельница.

Сомнения Ольги по поводу того, зачем ей это надо, улетучились очень быстро. Особенно поразили ее вот эти самые пепельницы. Она не любила свою привычку курить, стеснялась этого, как слабости, но и бросить не могла. Особенно много стала курить после смерти мужа. Да и нужно ли что-то резко менять в ее-то возрасте? Смешно! Уж сколько отпущено, столько отпущено. А тут никто не обращает никакого внимания, еще и пепельницы поставили. А вокруг вместо голубей бакланы ходят. Где мы, в сказке? Иногда у Ольги было именно такое чувство.

Но больше всего оба любили вечера. Когда можно было сидеть рядом, даже ничего друг другу не говоря, просто наслаждаясь тишиной, далеким шумом прибоя, ни с чем не сравнимым запахом моря и стреко- том цикад.

За пять лет строительство, благодаря Ольгиному напору, практически подошло к концу. Можно было уже просто жить и радоваться морю, необыкновенно мягкому климату и дивным соснам. А климат в Хор-

ватии действительно оказался волшебный. И главное, он избавлял от всякой депрессии.

Иногда мать с сыном вечером, как спадала жара, шли в город. До Ровиня рукой подать. Каких-то двадцать минут по живописной дорожке вдоль моря, и оказываешься в сказочном месте. Мощные узкие улочки, черепичные крыши, маленькие сувенирные лавочки. И Ольга, и Михаил были барахольщиками. Заходили в каждую лавочку, долго выбирали очередную тарелку или медную лампу. Не думая о том, куда все это приспособить. Главным был сам процесс покупки, выбора новой диковинной вещи. Бывало, приобретенная с таким азартом вещица впоследствии долго пылилась в углу, но это было не страшно. Зато какое удовольствие получали оба, торгуясь с продавцами!

И как заключение прогулки — обязательный ужин в рыбном ресторане «У Марко». Они нашли его случайно. Одним из вечеров вышли через арку в стене и оказались на небольшом плато. С одной стороны обрыв, далеко внизу плещется море, с силой разбиваясь о стену, с другой — маленький рыбацкий домик. Пара столиков внутри, пара — на этом самом плато. Вот и весь ресторан. Ольга с Михаилом любили сидеть на улице. Солнце уже садилось, становилось прохладнее. Ресторан не самый дорогой и известный. Но какая там была кефаль, а какие креветки!